

Война и прогрессъ

Der Krieg ist die natürliche, letzte Entwicklungsstufe in der Geschichte der Menschheit.

General v. Seekt.

Тридцать лѣтъ назадъ, когда хотѣли осудить какое-либо явленіе, говорили, что оно «недостойно нашего времени». Подобная ссылка не нуждалась ни въ какомъ поясненіи: считалось само собой разумѣющимся, что наше время — просвѣщеннѣе, гуманнѣе, вообще совершеннѣе всѣхъ прежде бывшихъ временъ.

Притомъ, однако, европеецъ довоенной эпохи вовсе не считалъ себя достигшимъ высшей ступени совершенства. Его основной и непоколебимой вѣрой была вѣра въ прогрессъ, воспринимаемый какъ нѣчто постоянное и неизбѣжное, стоящее внѣ человѣка, какъ явленіе природы или точнѣе, какъ основной ея законъ. Возносясь надъ прошлымъ, человѣкъ преклонялся передъ будущимъ.

За послѣдніе десятки лѣтъ эта оптимистическая вѣра, казавшаяся столь твердой, рассыпалась. Любимой темой нашихъ дней является посрамленіе ученій о прогрессѣ и вообще ученій о предустановленномъ пути развитія человѣка (или вселенной и человѣка). Нѣтъ ничего легче этой разрушительной работы: великолѣпныя построенія, неотразимо приковывавшія къ себѣ мысли и чувства нѣсколькихъ поколѣній, основывались вообще не на твердой положительной наукѣ, какъ обольщали себя строители и ихъ послѣдователи, но на вѣрѣ. Когда эмоциональная оболочка исчезла, на мѣстѣ грандіозныхъ эсхатологическихъ видѣній оказались лишь прахъ и пепель. Спорить въ сущности не съ чѣмъ: остается пожимать плечами и самоудовольно улыбаться — какъ можно было все это принимать всерьезъ!

Однако, нынѣшній самодовольный скептицизмъ ничуть не менѣе наивенъ, чѣмъ прежній безбрежный оптимизмъ. Четверть вѣка назадъ человѣкъ вѣрилъ, что завтра должно быть лучше, чѣмъ сегодня: все неуклонно движется по прямой къ свѣтлому будущему». Теперь онъ убѣжденъ, что никакого движенія нѣтъ, развѣ только толчея по кругу (Шпенглеръ), и

что вообще ничего новаго на свѣтѣ не бываетъ; «въ сущности» — ничто не мѣняется.

Схема всегда искажаетъ дѣйствительность, мѣшаетъ конкретно видѣть мѣръ. Любопытно отмѣтить, что практическія послѣдствія этой деформации почти одинаковы, какую бы изъ обѣихъ схемъ мы ни приложили. Колеблется чувство цѣнности существующаго, отвѣтственности за его сохранность; развивается квіетизмъ: не стоитъ бороться за будущее, если оно и безъ того обезпечено непреложными законами развитія; но также бессмысленно бороться, если по существу ничего въ мѣрѣ улучшить нельзя.

Поистинѣ удивительно, что теоріи круговращенія и отрицаніе поступательнаго движенія приобрѣли вѣсь именно въ наше время, т. е. въ эпоху, явно представляющую собой переломъ въ жизни человѣчества. Казалось бы, совершенно очевидно, что по многимъ очень существеннымъ признакамъ послѣднія десятилѣтія кореннымъ образомъ отличаются отъ тѣхъ 40 или 50 столѣтій, которыя для насъ составляютъ исторію: достаточно одного явленія — воздухоплаванія — чтобы чисто позитивно и натуралистически оправдать раздѣленіе всего пройденнаго пути на двѣ фазы — до и послѣ. Наша слѣпота объясняется, конечно, только тѣмъ, что даже въ позитивистической и матеріалистической оболочкѣ идея прогресса всегда была идеей этической: движеніемъ впередъ мы органически способны считать лишь измѣненія, направленные къ нравственному совершенствованію людей, къ умноженію человѣческаго счастья. Мы упорно отрицаемъ наличіе движенія, разъ оно приводитъ къ инымъ результатамъ.

Предвзятыя схемы мѣшаютъ воспринимать и оцѣнивать развертывающіяся передъ нами перемѣны. Въ этомъ отношеніи особенно показательно современное отношеніе къ войнѣ. Интеллигентъ 19-го и начала 20-го вѣка склоненъ былъ разсматривать войну, какъ явленіе отмирающее, пережитокъ прошлаго, связанный съ остатками феодализма, старой монархіей, привилегированными сословіями и т. д. Казалось очевиднымъ, что при (неминуемомъ!) утверженіи демократіи, война должна исчезнуть.

Въ настоящее время подобныя вѣрованія кажутся наивными. Только наивные способны еще слушать рѣчи о всеобщемъ разоруженіи, о вѣчномъ мирѣ и т. д. Напротивъ, люди благомыслящіе и разумные утвердились въ печальномъ сознаніи, что война есть неотвратимое бѣдствіе: она всегда была и всегда будетъ;

такое представлѣніе совершенно гармонируетъ съ общей идеей о неизмѣнности основъ человѣческаго общежитія.

Между тѣмъ, на нашихъ глазахъ произошла трансформация самого объекта этихъ размышленій. Какъ всегда бываетъ, перемѣна сложилась изъ множества рядовъ количественныхъ измѣненій, каждый изъ которыхъ въ отдѣльности поддается болѣе или менѣе точному учету. Но приходитъ моментъ, когда количественныя измѣненія, въ своей совокупности, вызываютъ качественное перерожденіе: наступаетъ мутация. Именно это произошло съ войной. Явленіе, существующее съ незапамятныхъ временъ, неожиданно перестаетъ быть тѣмъ, чѣмъ было до сихъ поръ и превращается въ нѣчто иное.

Измѣнились не только способы и приемы веденія войны. Мѣняются ея цѣли. Кореннымъ образомъ измѣняется соотношеніе между войной и всѣми иными формами социальной жизни людей.

Хотя мы обычно недооцениваемъ глубину происшедшей перемѣны, все же новизна явленія настолько очевидна, что вызвала потребность въ новомъ терминѣ. Говорятъ о **тоталитарной** войнѣ, противопоставляя ее прежней, ограниченной войнѣ. Эта новая тоталитарная война, которую мы пока еще только предвидимъ, но влияние которой ощущаемъ на каждомъ шагѣ, представляется намъ уклоненіемъ отъ нормы, вырожденіемъ и извращеніемъ стараго почтеннаго института. Между тѣмъ, если освободиться отъ этическихъ оцѣнокъ, нельзя не признать, что тоталитарная война гораздо логичнѣе и естественнѣе, чѣмъ ограниченная. Несмотря на вѣковую привычку, мы начинаемъ смутно сознать всю странность и искусственность порядка, въ которомъ сосуществуетъ нѣкоторое число государствъ, полагающихъ своей основной задачей очень мирныя занятія — примѣненіе правосудія, охрану безопасности, просвѣщенія, и т. д., и т. д., но отъ времени до времени ведущихъ между собой войны для того, чтобы потомъ, какъ если бы ничего не случилось, вернуться къ прежнимъ дѣламъ. Этотъ строй, при которомъ существуетъ военное вѣдомство какъ обособленная отрасль администраціи — притомъ даже далеко не важнѣйшая отрасль — внутренне противорѣчивъ и незаконченъ, основанъ на множествѣ условностей и недоговоренностей, какъ весь тотъ старый, безалаберный и уютный міръ, въ которомъ мы родились, но изъ котораго непреодолимая сила выносятся насъ въ новый, еще невиданный свѣтъ, съ его страшными напряжениями энергіи, рѣзкими, четкими формами и безжалостной логикой.

Общепризнано и несомненно, что основной причиной перехода къ тоталитарной войнѣ является развитіе техники. При этомъ, однако, понятіе техники надо брать въ самомъ широкомъ смыслѣ. Вопросъ не только въ томъ, что пушки, вмѣсто пяти километровъ, стрѣляютъ на 50, или что бомбовозы даютъ возможность нападенія на любое мѣсто страны. Сущность переменъ заключается въ общей рационализациіи человѣческаго поведенія.

Школьные примѣры твердятъ, что одинъ изъ показателей культуры—возрастающее разстояніе между средствами и цѣлью. Дикарь выходитъ на охоту, когда онъ голоденъ. Крестьянинъ пашетъ землю, чтобы черезъ годъ собрать жатву. Просвѣщенный человѣкъ ставитъ себѣ задачи, далеко превышающія длительность его жизни.

Совершенно очевидно, какая разительная перемена произошла въ этомъ отношеніи на протяженіи немногихъ поколѣній. Еще совсѣмъ недавно подавляющее большинство людей занималось трудомъ, имъ совершенно понятнымъ и приносящимъ скорые, очевидные плоды. Лишь рѣдчайшіе чудачки, вроде Кеплера или Линнея, посвящали жизнь подвигамъ, направленнымъ на далекую и туманную цѣль.

Въ настоящее время міръ устроенъ иначе. Милліонныя массы проводятъ свою жизнь въ совершеніи дѣйствій, смыслъ которыхъ имъ почти непонятенъ, и которыя въ нихъ не возбуждаютъ ничего, кромѣ отвращенія. Связь между работникомъ и объектомъ его работы рационализирована до конца, и цѣль усилій сведена къ сухой абстрактной формѣ заработной платы.

Не менѣе глубока перемена, происшедшая въ жизни элиты. Все ничтожитѣе число людей, способныхъ всесторонне охватить и осмыслить объектъ своей дѣятельности. Тысячи инженеровъ бьются надъ деталями машины, никогда за всю свою жизнь не задумавшись надъ нею въ цѣломъ. Тысячи ученыхъ поглощены архивными изысканіями, мелкими лабораторными опытами, измѣреніями, вычисленіями, и находятъ удовлетвореніе въ томъ, что ихъ труды какъ-то связаны съ великими задачами науки, хотя подумать объ этихъ задачахъ и объ этой связи у нихъ нѣтъ ни времени, ни охоты.

Цѣль всегда, по существу своему, иррациональна; средства полностью подлежатъ законамъ логики. Современный человѣкъ живетъ въ мірѣ средствъ, т. е. чистой техники; оттого его дѣятельность все строже подчиняется критеріямъ цѣлесообразности и экономіи. Упорное и рациональное усиліе, ради исчезаю-

шей въ дали и неподлежащей обсужденію цѣли — вотъ основная норма нашего времени.

Несмотря на непрерывное усовершенствованіе вооруженій, область военнаго дѣла оставалась вплоть до Великой войны старомодной, построенной традиціоналистически, а не рационалистически. Организациа арміи, ея бытъ, ея виѣщность, доктрина войны — все питалось корнями, далеко уходящими въ прошлое. Армія жила унаслѣдованнымъ идеаломъ, сильнымъ не своей логикой, а своей этической цѣльностью.

Еще меньше логики было въ томъ, какое мѣсто удѣлялось военному дѣлу въ экономіи человѣческаго общества. Основной потокъ жизни давно уже пошелъ по другому руслу, символомъ нашего времени стали фабрика, лабораторія, училище. Армія была запятана въ дальній уголокъ, безъ связи съ остальными формами организованной дѣятельности, какъ револьверъ, который современный человѣкъ любитъ держать въ ящикѣ письменнаго стола, но о которомъ ему никогда и вспоминать не приходится въ сутолокѣ каждодневнаго глубоко мирнаго существованія.

Волна рационализации военнаго дѣла нахлынула даже не съ началомъ войны, а лишь послѣ первыхъ ея опытовъ, когда опредѣлилось, что возникшія задачи не могутъ быть разрѣшены традиционными приемами и въ прежнихъ масштабахъ. Когда новый духъ, систематическій и упорядочивающій духъ новаго времени, проникъ въ эту чуждую ему до тѣхъ поръ область, оказалось, что именно здѣсь-то открываются безпредѣльные возможности рационализации. Современный человѣкъ, всецѣло преданный технику и боящійся размышлять о ея смыслѣ, привыкшій къ упорному слѣпому труду ради непонятной цѣли, наконецъ-то напалъ на достойную его цѣль: недопускающую никакихъ сомнѣній, оправдывающую всѣ жертвы и безъ отказа поглощающую любое количество усилій.

Неудавшіяся попытки закончить войну въ ничью были въ сущности послѣдними опытами проведенія прежнихъ взглядовъ, согласно которымъ война являлась инструментомъ для разрѣшенія ограниченныхъ задачъ, и при употребленіи этого инструмента слѣдовало взвѣшивать, насколько результаты могутъ оправдать положенныя усилія. Неизбѣжная неудача опытовъ ограниченія явилась окончательнымъ торжествомъ принципа — все для войны.

Первымъ приложеніемъ этого принципа является рациональное использованіе всего человѣческаго матеріала. Въ настоящее время кажется само собою разумѣющимся (хотя еще въ 14-омъ году представлялось чудовищнымъ), что воюющее государство располагаетъ всѣмъ мужскимъ и женскимъ населеніемъ страны.

Использованіе для войны всего населенія находится въ кажущемся противорѣчій съ весьма распространенной теоріей, по которой на смѣну миллионнымъ полчищамъ должны придти небольшие арміи высоко-квалифицированныхъ воиновъ, сражающихся механическимъ оружіемъ. Книга ген. Геруа («Полчища», 1923 г.), популяризовавшая эти воззрѣнія въ русской средѣ, явилась отраженіемъ распада русской арміи. Но еще за сорокъ лѣтъ до него то же самое предрекалъ фонъ-деръ-Гольцъ и также ссылался на фалангу Александра. Извѣстно, какое широкое распространеніе получила эта теорія въ Германіи послѣ войны, въ связи съ созданіемъ наемнаго Рейхсвера; все же и понынѣ это ученіе почитается ересью: господствующая доктрина придерживается мудраго отзыва французскаго генерала, который напомнилъ, что никогда еще ни одинъ разбитый военачальникъ не жаловался на чрезмѣрное обиліе солдатъ, а напротивъ, всегда въ объясненіи свое пораженіе недостаточностью войскъ.

Однако, какъ бы ни былъ рѣшенъ этотъ профессиональный споръ, измѣнилось бы не количество людей, потребныхъ для веденія войны, а только ихъ распредѣленіе, съ фронта они были бы отведены въ тылъ: для того, чтобы два бойца могли выѣхать на танкѣ, ихъ должны обслуживать въ тылу 46 человѣкъ; для обслуживанія одного аэрплана нужно 60 человѣкъ.

Если въ военное время все безъ остатка должно быть принесено въ жертву ради успѣха войны, было бы въ высшей степени нелогичнымъ не требовать такихъ же жертвъ и въ мирное время, для предварительной подготовки успѣха. Очевидно, каждый долженъ быть обученъ и воспитанъ для предначинанной ему во время войны роли. Развитие этого начала приводитъ не только къ различнымъ формамъ «военизаціи» молодежи, но и къ твердому профессиональному распредѣленію населенія согласно наиболѣе рациональнымъ нормамъ, применимымъ къ военнымъ нуждамъ.

Отсюда прямой переходъ къ перестройкѣ всего хозяйства на началахъ замѣны экономическаго принципа принципомъ военной пользы.

Нѣтъ нужды распространяться, какъ далеко зашла эта реорганизация уже теперь въ рядѣ странъ, поскольку рѣчь идетъ о

производствѣ. Искусственное выращиваніе индустрій, не имѣющихъ ни рынка, ни сырьевой базы, ожесточенная таможенная война, бросовый экспортъ и цѣлый рядъ другихъ мѣръ могли бы заставить усомниться въ умственныхъ способностяхъ людей, управляющихъ современными государствами, если бы дѣйствія ихъ разсматривать со стороны хозяйственной выгоды; напротивъ, эти дѣйствія пріобрѣтаютъ опредѣленный смыслъ, будучи оцѣниваемы съ точки зрѣнія военной готовности. Разумѣется, не надо сводить вопроса къ производству оружія или къ прокормленію населенія на случай войны. Проблема гораздо шире и многообразнѣе: она охватываетъ добычу сырья, ориентацию экспорта, пріобрѣтеніе девизовъ, и т. д. Извѣстенъ примѣръ англійской фабрики корсетовъ, объявленной во время войны предпріятіемъ, работающимъ на оборону, такъ какъ она обслуживала аргентинскую кліентуру и давала девизы, служившіе для оплаты зерна.

Такъ какъ приспособленіе производства къ требованіямъ войны естественно уменьшаетъ его хозяйственную полезность, т. е. понижаетъ количество производимыхъ благъ, то и другая сторона хозяйства — потребление — также неминуемо должна быть приспособлена къ военнымъ нуждамъ и оцѣниваться съ точки зрѣнія не интересовъ потребителя, а обороноспособности государства. Временный и частичный опытъ организациі потребления, продѣланный во время войны, явился лишь слабымъ прообразомъ будущаго. Руководство потребленіемъ со стороны власти и рациональное опредѣленіе ея надлежащаго жизненнаго уровня различныхъ слоевъ населенія организуется въ настоящее время въ Германіи какъ длительное установленіе. Логика вещей неминуемо слѣдуетъ этотъ институтъ постановнымъ и распространить его на всѣ государства, озабоченныя успѣхомъ въ будущей войнѣ.

Организованное такимъ образомъ хозяйство избавлено отъ кризисовъ: равновѣсіе въ немъ обеспечивается абсолютнымъ подчиненіемъ всѣхъ элементовъ одной цѣли, стоящей внѣ хозяйства. Каждое сокращеніе побочныхъ расходовъ на содержаніе населенія освобождаетъ новыя средства для основной цѣли хозяйства — укрѣпленія военной мощи. Разумѣется, каждый шагъ, сдѣланный на этомъ пути однимъ изъ конкурентовъ, съ желѣзной необходимостью вынуждаетъ и остальныхъ слѣдовать за нимъ, подѣ страхомъ гибели. Поэтому естественно, что при такомъ строѣ нужды потребителя должны удовлетворяться лишь поскольку это необходимо для обезпеченія суще-

ствования населенія и для его воспроизведенія въ достаточномъ количествѣ.

Одной изъ многихъ проблемъ, связанныхъ съ военной реорганизацией хозяйства, является территориальное распределение производства. Въ элементарной формѣ эта проблема, конечно, очень стара (опасность нахождения военныхъ фабрикъ у границы, и т. д.), но только теперь она возникаетъ во всей своей цѣльности. Въ Россіи создается западно-сибирская промышленная база; въ Польшѣ проектируется сосредоточеніе важнѣйшихъ предприятий въ центральномъ районѣ, между Брестомъ и Люблиномъ. Въ Германіи вопросъ ставится гораздо шире, какъ систематическое ученіе объ организациіи территорій.

Рациональное рѣшеніе задачи для западно-европейскаго государства, не располагающаго такими пространствами, какъ Россія, находятъ въ систематическомъ распределеніи промышленности между различными областями страны и возможно удаленіи ея отъ городовъ и другихъ пунктовъ, могущихъ легко стать объектами воздушнаго нападенія. Ближайшими практическими мѣрами въ этомъ направленіи должны быть: запрещеніе расширенія крупныхъ предприятий, существующихъ въ большихъ центрахъ; кредитныя и налоговыя облегченія для тѣхъ промышленниковъ, которые перенесутъ свои заводы вдаль отъ большихъ городовъ и децентрализуютъ ихъ, и т. д. Естественно, что передвиженіе предприятий должно повлечь такое же переселеніе и диффузію промышленнаго пролетаріата, за которымъ послѣдуетъ обслуживающее его ремесленное населеніе; но въ новыхъ мѣстахъ не будетъ допускаться скопленіе значительныхъ массъ, и поселки не должны превращаться въ города.

Издержки производства въ искусственно локализованномъ и децентрализованномъ предприятии будутъ выше, чѣмъ въ предприятии построенномъ исключительно по требованіямъ хозяйственной выгоды. Повышеніе издержекъ производства ложится тяжестью на народное хозяйство, т. е. въ конечномъ счетѣ опять-таки понижаетъ уровень жизни населенія. Но эти доводы нисколько не могутъ поколебать основнаго принципа, вытекающаго изъ необходимости національной обороны.

Полное подчиненіе хозяйства, т. е. всей матеріальной жизни людей, интересамъ войны, вовсе не есть фантастическая угроза, а непосредственная дѣйствительность, среди которой мы живемъ. Въ Германіи, Россіи, Италіи это подчиненіе очевидно. Въ Японіи только что провозглашена программа народной обороны, включающая реорганизацию индустріи, переработку та-

моженного тарифа, и т. д. Въ Англии, крѣпости традиционализма, «Таймсъ», олицетвореніе умѣренности и основательности, помѣстилъ недавно три статьи объ «Отечественномъ фронтѣ» *). Авторъ, въ высшей степени практической человекъ, завѣдывавшій продовольствіемъ страны во время войны, трактуетъ вопросъ чисто дѣловымъ образомъ, безъ громкихъ фразъ и предвзятыхъ теорій. И вотъ, идя этимъ путемъ, онъ приходитъ къ такому выводу: «Отнынѣ, и до тѣхъ поръ, пока опасность войны не будетъ окончательно уничтожена на землѣ, вся экономическая дѣятельность страны, государственная и частная, должна быть пересмотрѣна съ точки зрѣнія лучшей подготовкѣ къ войнѣ. Расположеніе всякаго рода складовъ и фабрикъ, развитіе портовъ, регулированіе транспортовъ, планировка городовъ и устройство домовъ, земледѣльческая политика, организація полицейскаго и пожарнаго дѣла, больницъ и водопроводовъ: всѣ эти вопросы не могутъ болѣе рѣшаться согласно старымъ критеріямъ большаго богатства или большаго удобства въ мирныхъ условіяхъ. Оборона важнѣе, чѣмъ достатокъ... Причина не въ томъ, что война близка или вѣроятна, а въ томъ, что она стала тоталитарной».

Конкретные выводы, дѣлаемые въ Англии, въ значительной мѣрѣ совпадаютъ съ тѣми, которые уже сдѣланы на континентѣ. Въ частности, сэръ Вильямъ Бевериджъ также настойчиво указываетъ на опасность большихъ городовъ и требуетъ децентрализаціи хозяйственной жизни.

Переустройство хозяйства и возвращеніе населенія изъ городовъ въ мелкія селенія означаютъ переходъ къ новой формѣ цивилизаціи, т. е. переломъ не одного лишь матеріальнаго, но и духовнаго быта.

Однако, не только эти косвенныя послѣдствія мѣръ государственной обороны должны отразиться на духовной жизни. Она подвергается прямому воздействию въ цѣляхъ рациональнаго переустройства соответственно съ военными нуждами государства. Власть, опредѣляющая, въ интересахъ государственной безопасности, гдѣ долженъ жить гражданинъ, что дѣлать, чѣмъ питаться и во что одѣваться, неминуемо должна опредѣлить и ежедневную порцію его духовныхъ благъ.

Необходимо установить, какія именно вѣрованія, убѣжденія, чувства наиболѣе полезны для повышенія боевыхъ ка-

*) Sir William Beveridge, «The Home front in war»; «Times», 22-23-24 Febr. 1937.

чество населенія — разумѣется, не только для непосредственнаго участія въ бою, но вообще для поддержанія военно-государственнаго аппарата, обслуживаніе котораго является единственной жизненной задачей гражданина. Эти убѣжденія должны неукоснительно прививаться и, напротивъ, всё върванія и чувства, которыя могли бы препятствовать движенію къ основной цѣли, или хотя бы отвлекать отъ нея, должны быть безжалостно истребляемы. Этотъ единственный критерій прилагается ко всему безъ изъятія. Нѣтъ ничего удивительнаго, что съ такой точки зрѣнія, напр., христіанство опредѣляется, какъ пропагандное ученіе, преслѣдующее опредѣленную цѣль — ослабить босую сопротивляемость вражескихъ народовъ *).

Изъ различныхъ областей духовной жизни, прежде всего подлежитъ унификаціи и рационализациі все, что относится къ политикѣ. Государство должно являться максимально цѣлесообразной организацией наличныхъ средствъ въ интересахъ войны. Безсмысленна всякая иная оцѣнка режима, кромѣ чисто технической: въ какой степени способствуетъ онъ концентраціи физическихъ и духовныхъ силъ, ради единой цѣли. Какъ бы ни былъ непривлекателенъ извѣстный политическій строй, всякій разумный человекъ долженъ его предпочесть, если онъ даетъ хоть одинъ лишній шансъ успѣха въ борьбѣ.

Рационализациі подвергаются не только средства (физическія и духовныя) веденія войны, но и приемы использования этихъ средствъ, и цѣли войны. Разумѣется, ведя войну, люди всегда руководствовались принципами цѣлесообразности и,

*) Gen. Ludendorff, Der totale Krieg, 1935, s. 18... «Christenlehre nichts anderes, als die geeignetste Propagandalehre ist». Людендорфа объявляютъ сумасшедшимъ, и дѣйствительно, есть соблазнъ уловить нотки душевной болѣзни, напр., въ описаніяхъ, какъ передъ его женой раскрылась книга «исторіи, естественныхъ знаній, человѣческой и народной души», и какъ благодаря этому т-жа Людендорфъ предназначала пути германскаго народа. Но — за исключеніемъ нѣсколькихъ темныхъ точекъ — великолѣпный логическій аппаратъ знаменитаго полководца сохранилъ всю свою мощь. Въ частности, проникновенна и въ своемъ родѣ послѣдовательна его критика христіанства; солдатъ-христіанинъ опасенъ своей върой въ то, что онъ самъ, послѣ краткаго земнаго существованія, будетъ вести вѣчную жизнь на небѣ или въ аду». Эта въра создаетъ ему особую душевную жизнь, совершенно отдѣльную отъ его собратьевъ... Трудно короче и ярче формулировать несовмѣстимость между христіанствомъ и всякимъ тоталитарнымъ режимомъ.

напр., этическія нормы, торжественно устанавливаемыя для ограниченія военныхъ дѣйствій, имѣли лишь весьма относительное значеніе. Тѣмъ не менѣе, способы войны опредѣлялись не одной цѣлесообразностью, но и многими другими факторами: и этическими нормами (только иного порядка, болѣе глубоко укорененными и не нуждающимися въ провозглашеніи; запретъ антропофагіи, убійства безоружныхъ, и т. д.); и всевозможными правилами этикета (формальное объявленіе войны — даже въ 14-омъ году!); и различными эмоціями (желаніе показать свою храбрость въ глазахъ непріятеля) и т. д.

Въ нынѣшнихъ условіяхъ и въ этомъ отношеніи рационализація неминуемо должна быть доведена до конца. Напр., бомбардировка и отравленіе большихъ городовъ съ цѣлью сломить духъ сопротивленія вражескаго народа не есть новизна исключительно технического порядка, явившаяся какъ результатъ развитія авіаціи. Хотя въ иныхъ формахъ, аналогичные способы воздѣйствія на противника были технически возможны и раньше (напр., путемъ уничтоженія населенія на захваченной части непріятельской территоріи). Но, разумѣется, этотъ приемъ есть значительный шагъ «впередъ» съ точки зрѣнія цѣлесообразности, такъ какъ уничтоженіе женъ и дѣтей является наиболѣе «раціональнымъ» средствомъ для разложенія воли противника.

Рационализація цѣлей войны заключается въ томъ, что въ моментъ побѣды все меньшее значеніе имѣетъ приобрѣтеніе непосредственной выгоды, т. е. захватъ такихъ непріятельскихъ благъ, какія могутъ служить для улучшенія или украшенія жизни побѣдителей. Напротивъ, выдвигается болѣе далекій расчетъ: усилить побѣдителя и ослабить побѣжденнаго, т. е. ухудшить его позиціи въ слѣдующей войнѣ. Сюда относится: отнятіе оружія, проведеніе такъ наз. стратегическихъ границъ; контрибуціи, имѣющія цѣлью не столько обогатить берущаго, сколько разорить дающаго; запрещеніе вооруженій, и т. д. Нѣтъ нужды напоминать, какъ широко были поставлены эти задачи въ 1918-19 годахъ. Если ихъ разрѣшеніе оказалось неудачнымъ, то это лишь значить, что въ слѣдующій разъ должны быть примѣнены еще болѣе совершенные приемы для достиженія желательнаго результата. Однако, единственнымъ дѣйствительно «раціональнымъ» способомъ окончанія войны можетъ быть только совершенное истребленіе враждебной націи *).

* Эту задачу со всей конкретностью ставитъ Людендорфъ (тамъ же, стр. 106): «При борьбѣ съ духовно сильнымъ народомъ рѣшеніе

Отступление передъ этой задачей, по этическимъ или инымъ соображеніямъ, было бы «измѣной своему народу», такъ какъ поставило бы его передъ излишнимъ рискомъ такого же уничтоженія въ близкомъ или далекомъ будущемъ.

Въ нашемъ мѣрѣ, перегруженномъ техникой и техническими навыками, на каждомъ шагу орудія, созданныя для определенной цѣли, эмансипируются и начинаютъ вести самостоятельное существованіе. Напрасно было бы искать смысла въ войнѣ, т. е. разсматривать ее, какъ средство для достиженія какой-то цѣли. Война перестала быть орудіемъ политики; политика — и внѣшняя и внутренняя — стала ея орудіемъ.

Старые наивные публицисты строили радужные прогнозы вѣчнаго мира на томъ основаніи, что война перестала себя оккупать. Дѣйствительно, въ тоталитарной войнѣ народъ рискуетъ всѣмъ — вплоть до своего физическаго существованія; выиграть же онъ ничего не можетъ: каждое завоеваніе превращается лишь въ средство для наилучшей подготовки слѣдующей войны. Неумолимые правила соревнованія заставляютъ всегда использовать эти средства до послѣдней возможности и, слѣдовательно, какія бы богатства ни собрали человѣкъ, какой бы степени могущества ни достигъ, ему суждено вѣкъ владѣть рабское и нищенское существованіе, отъ рожденія до смерти служа лишь одному — войнѣ, дабы предохранить свой народъ отъ истребленія.

Какой бы чудовишной ни казалась эта конечная ситуація, современная дѣйствительность совсѣмъ не такъ далека отъ нея, и обречена съ все возрастающей быстротой къ ней приближаться. Тщетно надѣяться, что на этомъ пути возможны остановки или обратное движеніе. Отъ тоталитарной войны такъ же немислимо перейти къ ограниченной, какъ отъ автомобиля къ дилижансу. Тоталитарная война есть конечная ступень рационализаціи, завершеніе прогресса.

Это положеніе возвращаетъ насъ къ первоначальной проблемѣ — о сущности прогресса.

Крушеніе космогоническихъ и исторіософическихъ схемъ XIX в. не означаетъ, что въ исторіи нѣтъ прогресса, какъ одной постоянной линіи развитія: она заключается въ усовершенствованіи тѣхъ сторонъ культуры, которыя носятъ техническій

могутъ быть найдены лишь на полѣ битвы, въ уничтоженіи вражескаго, но сохранившаго силу духа войска и твердаго духомъ народа.

характеръ, т. е. могутъ быть безъ остатка разложены на рациональные элементы. Разумѣется, это развитіе не носить непрерывно «прямолинейнаго» характера: бываетъ, что болѣе цѣлесообразные навыки или орудія, при социальныхъ катаклизмахъ и иныхъ сочетаніяхъ обстоятельствъ, исчезаютъ и уступаютъ мѣсто менѣе совершеннымъ; но тенденція объективно существуетъ и остается неизмѣнной. Не слѣдуетъ, на зло Спенсеру, вопреки очевидности отрицать существованіе «прогресса» отъ пещернаго человѣка до нашихъ дней, тѣмъ болѣе, что утвержденіе его вовсе не содержитъ въ себѣ признанія, что современный человѣкъ «выше» или «лучше» пещернаго.

Естественно, что тенденція постепеннаго усовершенствованія техническихъ элементовъ культуры проявляется съ тѣмъ большимъ постоянствомъ, чѣмъ большее значеніе объекту усовершенствованія имѣетъ для обезпеченія успѣха въ борьбѣ человѣческихъ группъ.

Достиженія побѣжденной или уничтоженной группы могутъ легко исчезнуть и быть забыты; достиженія побѣдителя сохраняются и распространяются. Побѣждаетъ же та группа, которая лучше вооружена: это сужденіе становится тавтологическимъ, если брать понятіе вооруженія достаточно широко, охватывая и такіе факторы, какъ прочность организационной группы, ея численность и т. д.

Объектомъ подражанія также становятся скорѣе всего техническія усовершенствованія, которыя облегчаютъ побѣду: ихъ заимствованіе вынуждается соревнованіемъ.

Въ итогѣ, наиболѣе постоянна и непрерывна прогрессъ тѣхъ техническихъ элементовъ культуры, которые имѣютъ непосредственное отношеніе къ военному дѣлу. Разумѣется, полной непрерывности и тутъ нѣтъ, рѣчь идетъ всегда лишь о тенденціи. Однако, эта тенденція ясно сказывается какъ въ области чисто матеріальной техники (оружіе), такъ и въ области техники духовной (организациія общества).

Изъ тупика, созданнаго перерожденіемъ прежняго института войны въ тоталитарную войну, можетъ быть только одинъ выходъ: полное уничтоженіе войны. Какъ бы это ни казалось утопическимъ, все же легче уничтожить войну, чѣмъ вернуться къ прежнимъ ея формамъ. Пока существуетъ возможность или вѣроятіе войны, совершенно неизбѣжно принятіе тѣхъ предохранительныхъ мѣръ, которыя, при настоящемъ уровнѣ рационализацин, съ неизбѣжностью приводятъ къ

совершенному поглощенію индивида и общества единой цѣлью самозащиты.

И все же человекъ, по природѣ своей, есть существо свободное. Не исключена возможность, что на краю гибели онъ найдетъ въ себѣ новыя силы, произведетъ огромное душевное усилие, нужное для побѣды надъ войной.

Движеніе, направленное на освобожденіе отъ войны, было бы совсѣмъ не похоже на прежній пацифизмъ. Старый добрый пацифистъ былъ сродни вегетарианцу, асперантисту и всѣмъ прочимъ улучшателямъ міра. Конечно, очень недурно было бы отказаться отъ жестокаго и незстетичнаго обычая поѣданія животныхъ; хорошо было бы также создать способъ общенія между всѣми людьми; прекрасно было бы прекратить войны и употребить военные бюджеты на дѣла благотворительности.

Но рѣчь теперь идетъ совсѣмъ не объ этомъ, не о созданіи рая на землѣ, не о счастья грядущихъ поколѣній, и т. д. Вопросъ и не въ гаданіяхъ, наступитъ ли война, неизбежна ли она, когда она можетъ наступить и т. д.: разсуждать объ этомъ бесполезно, такъ какъ ничего на свѣтѣ предсказать нельзя. Проблема заключается въ томъ, что самое наличие института тоталитарной войны (независимо отъ того, будетъ ли эта война осуществлена) разрушаетъ всѣ основы человѣческаго общенія. Это есть проблема не будущаго, а настоящаго, не улучшенія міра, а спасенія его.

Три года назадъ Арнольдъ Тойнби въ замѣчательной статьѣ писалъ *): «міръ, позволившій чудовищу тоталитарной войны овладѣть имъ, обрекъ себя на политическое объединеніе въ близкомъ будущемъ. Можетъ быть оно будетъ достигнуто путемъ общаго согласія... если же нѣтъ, міръ будетъ объединенъ новымъ взрывомъ войны, въ которомъ всѣ существующія 60 или 70 суверенныхъ государствъ, одно за другимъ, жестокими ударами будутъ выбиты изъ строя и остатки человѣчества останутся на милости единственной господствующей военной державы».

Ю. К. Рапопортъ.

*) Arnold J. Toynbee, *New Wine in Old Bottles*, — «Index» (Stockholm), N° 104, 1934.